

Йен Бэнкс

ЛЕДОПАД

Глубоко в толще льда без постоянного охлаждения не выжить — иначе сварись.

Это утверждение справедливо по крайней мере для нормального человека или, говоря точнее, любого обычного существа, чья биохимия совместима лишь с узким диапазоном температур от замерзания до кипения. Во льду будь холоден — или сварись заживо. Альтернатива? Давление превратит тебя в жалкую кашу даже быстрее, чем убьет температура.

Все относительно. Ниже точки замерзания или выше точки кипения *чего* и *где*? Как представитель пангуманоидного метавида, он привык соизмерять все данные с величинами для жидкой воды при стандартных давлении и температуре. Но чьи это были стандарты?

Здесь, в глубине водной планеты, под сотней километров теплой океанской толщи, ужасающее давление водяного столба превращало воду сперва в шугу, а затем и в лед. Не в обычный низкотемпературный лед, нет — эта разновидность возникала лишь при высоких давлениях. Но все же это был именно лед. И чем дальше к ядру планеты, тем горячее и плотнее он становился, разогретый тем же давлением, какое заставило воду перейти из жидкой фазы в твердую.

И даже здесь лед не был вполне совершенен: в нем попадались примеси и структурные дефекты, зияния, щели — подчас размером с мономолекулярную нить. По ним между крепко прижатых одна к другой глыб льда могли проникать и другие жидкости.

Там была жизнь — существа, эволюционировавшие здесь или же специально сконструированные для такой среды.

Тонкие, как волосок, почти прозрачные, походившие на мембраны и ничем не напоминавшие обычных животных, они рыскали взад-вперед, вверх-вниз в ледовых прожилках, дырах, щелях, трещинах и проталинах, разыскивая пищу — любые минералы и полезные вещества, какие содержал лед, — или — в случае хищников из глубин — атакуя этих неплотоядных животных.

Он — существо, которым он теперь стал — не родился и не развился здесь. То, чем он теперь был, на самом деле представляло собой симуляцию такого существа, модель организма, приспособившегося к жизни в толще льда, спрессованной огромным давлением в глубинах водной планеты. Всего лишь симуляцию. Он не был тем, чем казался.

Ему становилось все труднее припомнить, а был ли он вообще *хоть когда-то* самим собой.

Ледяная сердцевина водной планеты была иллюзией. Не существовало ни самой планеты, ни звезды, вокруг которой она вращалась, ни галактики вокруг, — вообще ничто вокруг не было реальным, сколь далеко ни глянь. И сколь глубоко, впрочем, тоже. Внимательно взглядишь во что угодно — и обнаружишь точно такую же зернистую структуру, как и у объектов истинного мира. Мельчайшие структурные единицы обеих реальностей в конечном счете совпадали, будь то единицы времени или массы.

Некоторые делали отсюда вывод, что и сама базовая Реальность в действительности нереальна — то есть не является окончательным, несимулированным источником бытия. В соответствии с этой концепцией все сущее тоже было симуляцией, запущенной в начале времен, а обитатели ее просто не замечали этого. И следовательно, все безукоризненно правдоподобные, точные в самых мелких деталях виртуальные миры, которыми их творцы так гордились, были ничем иным, как симуляциями внутри симуляции.

Впрочем, эту точку зрения небезосновательно почитали за сумасбродную чушь, немощную, но злокачественную придумку. Если вам надо выбить у людей почву из-под ног, для этого найдутся способы и получше, чем убеждать их, будто все вокруг — просто шутка, игра воображения, результат чьего-то хитроумного эксперимента, и ничто из сделанного или задуманного ими в действительности не имеет никакого значения.

Хитрость, как он полагал, состояла в следующем: не упускать из виду несомненную теоретическую возможность, в то же время ни на миг не позволяя себе отнестись серьезно к самой идее.

Размышляя обо всем этом, он скользил вместе с товарищами вдоль многокилометровой трещины в ледовой толще. Высота ее составляла около километра. В человеческом восприятии она бы походила на исполинскую мульдугу или рытвину, но впечатление это нельзя было, конечно, считать вполне достоверным.

Сами они больше всего напоминали потеки вязкого грязного масла меж ледовых слоев того, что он все еще (по неотвязной привычке) считал обычным миром, скалистой планеткой с ледовыми шапками на полюсах и горных пиках.

Он командовал маленьким, но грозным отрядом численностью примерно в тридцать бойцов. Все они были высококвалифицированными военными, вооруженными набором ядов, химической микровзрывчатки и растворителей. Солдаты и боевые роботы, чьи личины он носил в течение многих субъективных десятилетий конфликта, нещадно издевались бы над таким жалким снаряжением. Но здесь, в глубине, оно представляло нешуточную угрозу, а вот пехотинцы и мудреные военные машинки тут бы и доли секунды не продержались, расквашенные чудовищным давлением. Отряд отличался необычно высоким представительством офицеров — так, сам он был здесь в ранге майора (а на любое другое поле боя явился бы генералом). Но это обстоятельство лишь подчеркивало, какие надежды возлагают на их рейд.

Он ощущал присутствие каждого из тридцати бойцов физически — через градиенты концентрации веществ, порождавшие электрохимический сигнал внутри каждого из них и между всеми остальными. Вот справа капрал Бьозель протискивается и просачивается по каналу, выглядевшему шире прочих, не забывая выдать на орехи отстающим, а вот уходит влево и вверх закрученный след капитана Мевадже, ведущего четверку специалистов по растворителям через сложную серию трещин — настоящий трехмерный лабиринт. О ледотрясении первым доложил Бьозель, затем его донесение подтвердили следующие по цепочке бойцы. Сам Ватуэйль тоже ощутил его — мгновением позже.

Лед закрипел и затрещал, полость, содержавшая большую часть Ватуэйля, дала усадку и стала заметно — примерно на полмиллиметра — теснее. Другая его часть, по счастью, расположилась выше, в более широкой полости, и теперь пыталась вытянуть оставшуюся долю через сужение к себе, наверх. Он отчаянно

цеплялся и протискивался через узкое место, понемногу продвигаясь наружу, чтобы там продолжить медленный спуск в сердцевину.

...*Все в порядке, сэр?* — пришел вопрос лейтенанта Люске, следовавшего вторым по направлению к голове цепи.

...*Да, лейтенант*, передал он в ответ.

Ватуэйль почувствовал, как весь отряд замер, почти вмерз в лед, переживая ударную волну, сотрясавшую все вокруг и между них. Такое замирание не могло принести никакой дальнейшей пользы, а лишь замедляло продвижение, если только боец не собирался проникнуть из более широкой области в сужение. Но случилось так, как случилось. Это было в природе всего живого — человеческой, животной, в природе всех разумных существ, если угодно.

Ты замираешь и ждешь, надеясь и веря, сдерживая страх и прислушиваясь к происходящему, питая надежду остаться в живых и ужасаясь обманчивому ощущению сдвигов льда вокруг, страшаясь принять биохимический сигнал, который придет по цепи бойцов, как знамение чьей-то гибели — как знак того, что кто-то в этой живой цепочке был раздавлен сблизившимися стенками трещины, раздавлен в кашу, разъят на молекулы, пером химических процессов вычеркнут из действительности.

Но когда ледотрясение закончилось, оказалось, что все живы-здоровы. Они продолжали движение вперед, протискиваясь и просачиваясь все глубже в ледяное ядро водного мира. Он послал несколько электрохимических сигналов в окружающую среду, чтобы известить всех о благополучном исходе переделки. Но расслабляться было рано: они достигли уже уровня, где ожидалось присутствие стражников и сил обороны.

Он задумался, как лучше охарактеризовать нынешнее место своего пребывания. Она не была частью основного военного симулятора. Не была она и одной из каскада вложенных друг в друга симуляций. Это было нечто совсем особенное, сходное с прочими симами, но работающее отдельно и помимо них, на иной платформе.

Бьозель внезапно послал спешный сигнал по всей сети, от одного бойца к другому: ...*Сэр, там что-то...*

Ватуэйль скомандовал остановиться. Они постарались исполнить его приказ как можно организованней.

Он выждал еще мгновение и передал: *Что там еще, капрал?*

Впереди что-то движется, сэр...

Ватуэйль не двигался. Он ждал. Как и все. Бьозель опытный воин, он не дурак — да и все они парни не промах. Он всегда начеку. Лучше доверять его ощущениям. Пускай принимается и прислушается, взглянется в поисках случайных сцинтилляций в окружавшую их во всех направлениях стеклянистую тьму.

С тех пор как подводная лодка выгрузила отряд в мутную шугу на дне океана, минуло несколько часов. Они мало что видели за это время. Если быть точным, здесь вообще не на что было смотреть. На глубину даже четверти клика¹ под океанской гладью не проникало ни единого лучика солнечного света — что уж говорить о сотнях.

Лишь несколько случайных сполохов от космических лучей — и это было все. Да еще ледотрясение, от очага которого их отделял слой льда менее чем кило-

¹Клик составляет около половины английской мили.

метровой толщины, возбудило слабую пьезоэлектрическую активность и породило пару-тройку вспышек. В целом же зрение — как бы в действительности ни выглядели его органы — здесь оказалось наименее полезным из доступных им чувств.

Ах-х... Сквозь тела бойцов пронесся стремительный химический сигнал — как будто дружный вздох облегчения. Бьозель передал: *Простите, сэр... Я не хотел рисковать и переходить на прямую связь. Вражеский боец обнаружен и успешно нейтрализован.*

Хорошая работа, Бьозель. Его личность установлена?

Вот, сэр...

Сложная смесь химических идентификаторов пронеслась через области градиента химического потенциала назад по цепи, к Ватуэйлю. Они захватили охранника. Существо, которое вряд ли заслуживало называться разумным — просто одиночная, высокочувствительная структура, затаившаяся в трещине меж ледовых глыб. Но Бьозель учуял ее раньше, чем она его. Следовательно, они все еще могли надеяться проникнуть незамеченными. Изучая данные химического анализа парализованного, умирающего существа, Ватуэйль не уловил никаких признаков того, что оно с кем-то успело связаться, прежде чем Бьозель пленил его и напичкал ядом.

Ватуэйль поделился наиболее существенными выводами с отрядом.

Наверняка впереди есть и другие, передал он. Бьозель... как выглядит наш путь с той точки, где ты сейчас находишься?

Отлично, сэр... Насколько я могу видеть... Никого... Никто не подслушивает... Никем не пахнет...

Хорошо, тогда перегруппируемся, ответил Ватуэйль и скомандовал: *Остальные бойцы Первого подразделения и все Второе подразделение, следуйте за Бьозелем... Третьему и Четвертому — перегруппироваться с сохранением межгруппового расстояния и начать пробоотбор по мере спуска. У нас теперь есть химический профиль врага одного типа, и мы можем отследить их. Но следует ожидать, что появятся враги и других типов, незнакомые нам. Сконцентрируйтесь. Будьте предельно внимательны и осторожны.*

Он ощутил, как отряд перегруппировывается. Два подразделения оттянулись к Бьозелю, оставшиеся перешли ближе к нему.

И тут началось ледотрясение.

Оно пришло без предупреждения. Со всех сторон раздались крики, сопровождаемые бешеным скрежетом движущегося льда и сполохами от замыкания временных пьезоэлектрических контактов между дефектами включения кристаллической структуры. Лед сомкнулся вокруг Ватуэйля, чувство удушья и ужас обуяли его на миг. Но только на миг. Он приказал себе игнорировать их — пропустить над собой и сквозь себя. Приготовиться к смерти, но не выказывать страха. Его выдернуло из полости, где он до того находился, и выдавило в более широкую рытвину внизу. Он почувствовал движения других членов отряда. Они были столь же беспорядочны. Контакт с тремя бойцами оборвался. Связующие их незримые нити расплелись, оборвались, бессильно повисли. Затем они снова замерли. Во всяком случае, те, кто не бился в агонии. Мгновение — и даже эти бойцы застыли в неподвижности. То ли умерли, то ли ввели себе авторелаксанты, то ли командиры метнули в них соответствующим веществом.

Был ли это подрыв, стало ли ледотрясение частью вражеского замысла? Успели получить какую-то информацию, пока Бьозель нейтрализовывал охранника? Эхо-толчки сотрясали безвидную пустоту, простиравшуюся во всех направлениях. Ледотрясение казалось ему слишком мощным, слишком сокрушительным, чтобы приписать его воздействию однократного взрыва.

Доложите обстановку... передал Ватуэйль спустя мгновение.

Они потеряли пятерых, в том числе капитана Мевадже. Некоторые отделались ранениями: двое испытали сенсор-шок, еще двое частично утратили способность передвигаться.

Они перегруппировались по новой. Он отправил Люске подтверждение его нового статуса: следующий за ним в командной цепочке. Затем двинулись дальше, оставив раненых дожидаться отзыва с задания.

Сэр, тут расщелина... передал Бьозель, находившийся в пятнадцати метрах внизу и впереди. *Зато открылся довольно удобный путь для спуска.*

Там может быть ловушка, Бьозель, ответил он. *Все такие проходы легко заминировать или оснастить ловушками.*

Разумеется, сэр, но этот проход только что возник. Он примыкает к тому, где погиб наш друг. Кажется надежным. И глубоким.

Ты уверен, что сможешь его обследовать, Бьозель?

Уверен, сэр!

Хорошо, если так, думаю, нам пора соединить силы. Вперед, Бьозель. Но будь очень осторожен.

Новая расщелина оказалась почти отвесной. Но Бьозель спустился по ней — сперва осторожно, затем со всевозрастающей уверенностью. Остальные солдаты, которых Ватуэйль вверил ему, спустились по следам капрала.

Другие два подразделения столкнулись с большими трудностями, но Ватуэйль помог и им проникнуть в новый проход.

Новый враг появился из трещины, примыкавшей к старому проходу, который они уже миновали. Он атаковал Бьозеля и в мгновение ока поразил его. Но и сам не ушел — один из бойцов, следовавших сразу за Бьозелем, выстрелил в него из помпового дротикомета. Стражник упал и начал растворяться. Бьозель бессильно привалился к стене расщелины, яд стремительно распространялся по его членам и обездвиживал их. Другой боец торопливо окутал его своей пленкой, провел беглый анализ, попытался установить, есть ли шансы на спасение, какие части тела лучше прижечь, а какие — вовсе ампутировать. Затем медик оттянулся назад, следя за тем, чтобы связь с Бьозелем прервалась прежде, чем он сам начнет докладывать Ватуэйлю.

Похожее, что и я останусь тут до самого отбоя, сэр... передал Бьозель.

Похожее на то, Бьозель...

Этот мог успеть поднять тревогу... доложил медик.

Я что-то вижу отсюда, сэр... сообщил боец, двигавшийся сразу за Бьозелем в момент атаки. *Глубоко внизу что-то есть... внизу... что-то похожее на мощный источник света, сэр...*

Наладив канал связи через двух пехотинцев, спустившихся ниже, Ватуэйль внимательнее присмотрелся к тому, о чем докладывал боец, находившийся теперь глубже всех.

Время держать нос по ветру, подумал он.

Останься здесь, Бьозель.

Выбор у меня невелик, сэр...

Мы вернемся за тобой... Кто бы это ни был... Мы тут, мы помним о тебе...

Вот и все.

Перегруппироваться для атаки, скомандовал он отряду.

Они сгрудились, передвинулись, перегруппировались. Он испытал нечто вроде гордости за них — так мог бы гордиться отец своими детьми. Пока они тихо, но основательно готовились к этой миссии, отважившись на величайший риск ради общего блага и высокой цели, он успел, пожалуй, не только сблизиться с ними, но и полюбить.

Бойцы выполнили приказ даже быстрее, чем он мог надеяться.

Четыре маленьких взвода, готовые получить последний электрохимический сигнал и разойтись на расстояние, на котором смогли бы обмениваться лишь световыми сигналами, поплыли вперед.

По моей команде... передал он. *Начали... Начали... Начали...*

Они запустили двигатели и устремились по отвесной трещине к сиявшему призрачным светом ядру.

Целый взвод был уничтожен внезапно пронизавшим лед электрическим разрядом. Уцелевшие продолжали движение вперед, а те, кому не повезло, понемногу растворились.

Еще одна атака — с той стороны, где была первая трещина. Дозорных было двое, и они действовали скоординированно. Однако теперь бойцы ожидали нападения, поразили врагов отравленными дротиками и оставили беспомощно корчиться в ожидании смерти. Тем временем свет, исходивший снизу, приобрел зеленоватый оттенок. По мере их приближения он становился ярче, но вот мигнул, на миг потускнев — это было верным признаком, что навстречу движется целый отряд охраны. В зеленоватом свете метались мерцающие фигуры врагов. Ватуэйль попробовал сосчитать противников, потом просто прикинуть, сколько их там. Дюжина? Два десятка? Может, и больше. Трудно сказать. Впрочем, неважно. Они не могут сейчас отступить.

Ему вдруг захотелось, чтобы его истинная личность — оставшаяся в главном военном симуляторе, хранившая все воспоминания о бесчисленных десятилетиях войны — увидела и запомнила все это. Но она никогда об этом не узнает. Военный симулятор позволяет учиться на своих ошибках — в первую очередь на смертельных. Смерть важна лишь как часть процесса обучения. Все происходившее, в том числе и его собственная смерть, было лишь частью головокружительно правдоподобной симуляции. Его личность-на-сохранении узнает обо всем, что случилось с ранними итерациями. Сделает выводы из их действий. Станет опытнее — может быть, и мудрее.

А это тоже была симуляция, виртуальность, но она не являлась частью военного симулятора. Пути назад не было ни для него, ни для остальных бойцов. Вне зависимости от результатов — будь то победа или поражение — исход у операции один: их смерть. Его подлинная, продолжающаяся личность, та, что осталась в военном симуляторе, никогда не узнает, что происходило с данной копией. Все, на что он мог рассчитывать, это что до его подлинной личности долетят смутные слухи об их успехе. Если еще он будет, этот успех.

Стычка с охранниками ядра началась почти сразу же, как только они спу-

стились по трещине. Те уже ждали. Некоторые дротики, выпущенные противниками, прошли мимо, один отлетел от щита, которым впереди стоявший боец заслонил Ватуэйля. Его взвод занял передовую позицию. Они стали наконецником копья. Темные фигуры врагов быстро приближались.

Стремительно.

Даже быстрее, чем обеспечивала бы собственная скорость взвода.

У них будет время для заградительного огня, понял Ватуэйль. Его взвод переконфигурировался в позицию, примерно соответствующую той, что в былые дни могла называться "плечо к плечу".

Готовьсь! скомандовал он. *Огонь...*

Отравленные дротики, растворяющие снаряды, парализующие копья и стрелы градом обрушились на вражеских стражников.

Из всего взвода уцелели он сам да еще один боец.

Теперь их оставалось шестеро.

Остальные пали под натиском муравьеподобной массы стражников. Его бойцы были лучше вооружены и натренированы, но у врага было слишком большое численное превосходство. Стражников оказалось даже больше, чем он мог сперва предположить. И даже пробившись сквозь бесформенные кучи их тел и оружия, Ватуэйль и его люди натыкались на новые и новые сети, мины, ловушки, снаряженные крючьями и дротиками, заряженные электричеством и конвульсантами. Чтобы обойти их или высвободиться из уже сработавшей западни, требовалось драгоценное время, а выжившие стражники не прекращали атаковать, все лезли и лезли на них из потустороннего зеленоватого сияния. Многие бойцы его отряда уже погибли или агонизировали, растворяясь, корчась в муках, пытаясь из последних сил взобраться обратно, прочь из расщелины.

Но шестерым удалось прорваться.

Они падали прямо в зеленое сияние. Поверхность, источавшая его, стремительно приближалась. Они выплеснули на себя растворители из пакетов НЗ и на миг стали, казалось, частью этой прозрачной стены. Затем стена исчезла. Они оказались внутри.

Полет продолжался, однако лед остался позади. Теперь они находились в каком-то довольно обширном пространстве сферической формы, напоминавшем начиненные машинерией потроха искусственного многоярусного спутника. Им навстречу стремительно неслись какие-то темные облака, в них виднелись неясные разрывы и проталины.

Бойцы тоже изменились. Они не походили больше на жалкие тонкие полупрозрачные пленочки, но превратились в темные твердые удлиненные предметы, усаженные зазубренными клиньями от края до края.

Они увеличивали скорость, пронзая вакуум и устремляясь к тому, что было чем-то средним между исполинским городом, покрывавшим всю поверхность сферы, и огромной фабрикой. Да, это был скорее военный завод, он полыхал и переливался огнями, источал дым и пламя. К ним тянулись фонтаны и вздымались горы, устремлялись реки и выплескивались из берегов озера невыносимо яркого света.

Ватуэйль подумал, что это похоже на давний сон. Да. Однажды он летал во сне. И тот полет окончился падением...

Он отбросил это воспоминание, встряхнулся, запретил себе такие мысли, бег-

ло прикинул шансы отряда и задумался над результатом проведенной оценки.

Теоретически даже одного бойца могло быть достаточно. На практике вероятность успеха операции приближалась к восьмидесяти процентам для отряда из двенадцати бойцов. Таковы были результаты для лучших симуляций, какие им только удалось построить, имитируя этот объект.

Для отряда из девяти бойцов шансы составляли пятьдесят на пятьдесят. Их оставалось шестеро — шансы были призрачны.

Эксперты, занимавшиеся программированием симуляторов, даже и говорить не хотели о варианте, когда на последнем этапе операции оставалось меньше восьми бойцов.

Все же вероятность успеха оставалась.

И потом, что такое слава? Чем больше тех, с кем ее надо делить, тем меньше останется на твою собственную долю...

Эта огромная, устрашающей сложности конструкция... За всю свою долгую и разнообразную жизнь — в любых ее формах — он не видел ничего прекраснее.

У него разрывалось сердце от мысли, что они пришли сюда ее уничтожить.